

Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах

Н.К. Габдрахманов, Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян,
О.В. Лешуков

Статья поступила
в редакцию
в феврале 2022 г.

Габдрахманов Нияз Камилевич — кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: ngabdrahmanov@hse.ru (контактное лицо для переписки)

Карачурина Лилия Борисовна — кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой демографии Института демографии имени А.Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: lkarachurina@hse.ru

Мкртчян Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований Института демографии имени А.Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: nmkrтчян@hse.ru

Лешуков Олег Валерьевич — кандидат наук об образовании, заведующий лабораторией «Развитие университетов» Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: oleshukov@hse.ru

Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

Аннотация

В результате ликвидации неэффективных вузов их общее число в России за 2013–2019 гг. сократилось на 42%, в том числе головных университетов — на 23%, филиалов — на 56%. Численность студентов при этом уменьшилась на 33%: реформа пришлась на период демографического спада в молодежных возрастных когортах. В статье анализируются последствия оптимизации сети вузов с точки зрения образовательной миграции молодежи в городах, различающихся по численности населения.

Большая часть федеральной и ведомственной статистики в сфере высшего образования и результаты проведенных на ее основе исследований представлены на национальном или региональном уровне. Ключевой с точки зрения локализации образовательных учреждений уровень рассмотрения — город — выпадает из образовательной аналитики и исследований. Крупные города привлекают молодежь не только возможностью выбора университета и образовательной программы. Имеющиеся данные не позволяют выделить миграционную привлекательность города для молодежи, обусловленную наличием вуза и качеством оказываемых им образовательных услуг, из совокупной миграционной привлекательности, связанной также с каче-

ством среды и услуг, объемом и разнообразием рынка труда. Авторы анализируют соотношение представленности вузов в городах разного размера с миграционной привлекательностью этих городов, выраженной в показателях нетто-миграции 15–19-летних. Установлено, что наиболее миграционно привлекательными и при этом в наименьшей степени затронутыми реорганизацией вузовской сети являются города с численностью населения свыше 250 тыс. человек. В наибольшей степени последствия от реализации мер государственной политики, направленных на повышение качества высшего образования, испытали малые города. Концентрация вузов в крупнейших городах страны способствует усилению центростремительной миграции молодежи. Для многих абитуриентов из малых и средних городов наличие в их поселении хотя бы одного вуза или филиала было единственной возможностью получить высшее образование.

Ключевые слова молодежь, высшее образование, миграция молодежи, города, университеты, вузовская сеть, оптимизация, образовательная политика.

Для цитирования Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. (2022) Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 2. С. 88–116. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>

Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes

N.K. Gabdrakhmanov, L.B. Karachurina, N.V. Mkrtchyan, O.V. Leshukov

Niyaz K. Gabdrakhmanov — PhD in Geography, Research Fellow, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. E-mail: ngabdrakhmanov@hse.ru (corresponding author)

Liliya B. Karachurina — PhD in Geography, Deputy Head of the Department of Demography, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics. E-mail: ikarachurina@hse.ru

Nikita V. Mkrtchyan — PhD in Geography, Leading Research Fellow, Vishnevsky Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics. E-mail: nmkrtchyan@hse.ru

Oleg V. Leshukov — PhD in Education, Head of the Laboratory for University Development, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics. E-mail: oleshukov@hse.ru

Address: 20 Myasnitskaya Str., 101000 Moscow, Russian Federation.

Abstract As a result of measures related to the liquidation of inefficient universities and low-quality education, the university network of Russia in 2013–2019 has significantly changed its configuration. In particular, the total number of universities decreased by 42%, including parent universities by 23%, branches by 56%. At the same time, the number of students decreased by 33% over the same period, the reform occurred during a period of demographic decline in the youth age cohorts. However, the consequences of the reform to optimize the network of universities could have a different impact on the structure of urban and regional higher education systems in different parts of the country.

Most of the federal and departmental statistics describing the situation in the field of higher education, and, accordingly, the results of research, are presented at the national or regional levels. However, almost all universities are located in cities, and this key level from the point of view of spatial localization of educational institutions falls out of the pool of educational analytics and research. Large cities everywhere attract young people with a wide range of factors. One of them is the possibility of choosing a university and an educational program. Other factors are related to the quality of the environment and services, the breadth and diversity of the labor market, which positively distinguish large cities from less populated places. The available data do not allow us to divide the migration attractiveness of the city for young people into those related to the presence of a university and the quality of educational services provided by it and those related to other possible factors of attractiveness. However, we can analyze whether the representation of universities in cities of different sizes is correlated with their migration attractiveness, expressed in net migration indicators of 15-19-year-olds. The conducted research has shown that the cities with a population of over 250 thousand people are the most attractive for migration and at the same time the least subjected to the reorganization of the university network. The concentration of universities in the largest cities of the country contributes to the strengthening of centripetal migration of young people. Small towns have experienced the main consequences of the implementation of state policy measures aimed at improving the quality of higher education. For many applicants from small and medium-sized cities, having one university or branch was the only opportunity to get a higher education without leaving their hometown.

Keywords youth, higher education, youth migration, cities, universities, university network, optimization, educational policy.

For citing Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrтчyan N.V., Lesnikov O.V. (2022) *Obrazovatel'naya migratsiya molodyozhi i optimizatsiya seti vuzov v raznykh po razmeru gorodakh* [Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 88–116. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>

Создание университетов и формирование университетской сети в мире неразрывно связано с развитием городов [Bender, 1988]. В ходе становления образовательной системы и функционального профилирования городов происходило фактическое разделение университетского присутствия между крупными городами, в которых размещались большие вузы с универсальным набором программ, и небольшими городами, где университет часто представлял собой центр роста и определял лицо поселения.

Советская система планирования и размещения объектов предписывала разным по административному статусу и размерам городам иметь на своей территории определенное количество и заданный набор вузов, так что учебные заведения, осуществляющие подготовку по массовым специальностям, были относительно равномерно распределены по регионам страны [Дайновский, 1973]. Головные учреждения высшего образования были размещены в крупнейших городах, в первую очередь

в региональных центрах, широкая филиальная сеть — в городах второго порядка. Сворачивание части филиалов, качество образования в которых ставилось под сомнение еще до реформы 2012 г., обострило проблему финансовой, социальной и территориальной доступности вузов для населения. Обеспечение доступности образования — один из серьезных комплексных вызовов социально-экономическому развитию как страны в целом, так и каждого из ее регионов, а также отдельных городов — имеющих вузы, лишившихся их, не имевших их никогда. Проблема доступности вузов затрагивает интересы людей разного возраста — не только самих учащихся, но и их родителей, разной финансовой обеспеченности и проживающих в поселениях разных категорий.

Участники дискуссии о вкладе университетов в социально-экономический рост регионов и отдельных городов достигли согласия в признании усиления влияния вузов на развитие городов и формирование городской среды. Вузы и студенты все чаще выступают для территорий в роли *place-makers*. Приезжающая в город на учебу молодежь становится важной частью социума — такие города иногда называют *college town* [Gumrecht, 2003]: их ландшафт включает университетский кампус, молодежную инфраструктуру. В некоторых случаях университеты способствуют реабилитации городских экономик [Goddard et al., 2014; Massey, Field, Chan, 2014], их влияние сопоставимо с воздействием джентрификации [Smith, 2005; Revington et al., 2021]. Превращение университетов в двигатель экономики знаний и фактор привлечения талантливой молодежи производит мультипликативные эффекты [Florida, 2005] и, в частности, способствует нарастанию различий в объемах человеческого капитала и усилению территориальных проявлений «эффекта Матфея» (дальнейшей концентрации первоначальных преимуществ [Rigney, 2010]) в условиях массовизации образования [Hornsby, Osman, 2014].

На практике эффекты от миграции студентов и формирования университетской среды трудно отделить от других факторов развития городов. Зачастую невозможно понять, что первично: развитие университета, открывающего свой кампус и стимулирующего приток молодежи, или наплыв молодежи в город, предоставляющий ей широкий, разнообразный и потенциально привлекательный рынок труда и досуга, попасть на который проще через учебные каналы и университетскую инфраструктуру. Очевидны и поддаются измерению демографические последствия деятельности вузов на территории: приток молодого и мотивированного населения положительно влияет на показатели рождаемости и смертности. При этом притяжение такого населения в одни территории заметно ухудшает

демографическую, а впоследствии также социальную и экономическую ситуацию в других, но этот эффект не так очевиден в силу его меньшей концентрации.

С одной стороны, возможности больших городов по предоставлению качественного образования и привлечению молодежи предопределены сложившейся в России системой расселения и институциональными факторами, предполагающими концентрацию ресурсов всех видов в центрах. В условиях продолжающихся развиваться и усиливающихся центрo-периферийных градиентов, пространственного и демографического сжатия невозможно представить, чтобы университетская сеть и образовательная миграция молодежи пошли по пути децентрации. С другой стороны, чрезмерное сосредоточение вузов в столичных городах способно вызвать дополнительное сжатие обитаемого пространства, снизить доступность высшего образования в других регионах страны. «Оксфорд, Кембридж, Гейдельберг и тому подобные маленькие города, почти целиком зависящие от университетов, в них находящихся, дали, как известно, наибольший рассадник для развития самостоятельности в науках для многих стран, а у нас <...> выбор подобного места был бы полезен во всех отношениях», — писал еще в начале XX в. Д.И. Менделеев¹.

В развитых странах университеты и их филиалы, расположенные в отдаленных от центра поселениях, выполняют важную территориальную и не менее актуальную социальную функцию: обеспечивают доступ к высшему образованию для жителей этих территорий, так как большинство студентов по-прежнему рассматривают в качестве возможных мест получения образования университеты, до которых можно добраться за несколько часов [Fonseca, Bird, 2007]. Международный опыт свидетельствует, что в университетах, открывающихся в отдаленных территориях, среди студентов значительную долю составляет местная молодежь с низким уровнем дохода [Frenette, 2007]: малообеспеченные семьи не готовы нести высокие транспортные издержки ради получения детьми высшего образования, а при наличии вуза рядом с домом с большей вероятностью выбирают для них образовательный трек после окончания школы.

Таким образом, миграционное поведение молодежи в значительной мере обусловлено пространственным распределением вузов, но не предопределено им: миграция может происходить, а может отсутствовать, осуществляться на далекие или близкие расстояния, в направлении «своего» столичного города или крупнейшего города другого региона. Разнообра-

---

¹ Менделеев Д.И. (1995) Заветные мысли. М.: Мысль. С. 286.

зие миграционных образовательных траекторий объясняется их зависимостью от множества факторов и их сочетаний — от личных характеристик абитуриента, состава семьи и ее финансового положения до конфигурации транспортных сетей и неравенства в доступе к услугам школ и репетиторов [Сарпан, 1981; Litten, 1982]. Они давно и всесторонне исследуются в мире, но только начинают изучаться в России [Варшавская, Чудиновских, 2014; Вербецкий, Фридман, 2016; Прахов, 2015; Хавенсон, Чиркина, 2018; Чиркина, Гусейнова, 2021]. При этом сама образовательная миграция с точки зрения направленности и интенсивности ее потоков на внутри- и межрегиональном образовательном пространстве и ее локализации на уровне регионов и муниципалитетов начала анализироваться [Габдрахманов, Никифорова, Лешуков, 2019, Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2021; Кашницкий, Мкртчян, Лешуков, 2016], по сути, только с 2011 г., когда после изменения порядка статистического учета миграция в соответствующих возрастах стала «видима» российской статистикой и эти данные начали публиковаться в открытом доступе [Захаров, 2020. С. 291–292].

Российские исследования пространственной организации вузовского образования и образовательной миграции молодежи, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, длительное время существовали как бы в параллельных, не связанных между собой реальностях. А.П. Катровский в своей монографии [2003] подвел итоги советского этапа территориальной организации высшего образования в России, уделив некоторое внимание учебной миграции населения. Работы исследователей Института образования НИУ ВШЭ и РАНХиГС 2010-х годов в данной исследовательской зоне сосредоточены в первую очередь на анализе возможностей развития университетов и их влияния на экономику регионов [Беляков, Клячко 2016; Лешуков, 2020]. Подразумевается, что организация системы высшего образования, в том числе реформы, направленные на изменение ландшафта вузовской сети, и миграционные потоки согласованы. Однако эта согласованность, очевидно, имеет свои ограничения, логику и изменчивость. Цель настоящей работы — проанализировать миграционную активность молодежи в городах разного размера с учетом наличия в них вузов, а также ориентацию на учебную миграцию у молодежи, оканчивающей школу в таких городах. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) представить обзор исследований молодежной миграции и ключевых источников информации: федеральной статистики и полевых исследований;

- 2) проанализировать основные показатели молодежной миграции в городах с разной численностью населения;
- 3) оценить концентрацию вузов и миграционные предпочтения молодежи в городах с разной численностью населения;
- 4) обсудить результаты сокращения вузовской сети в городах с разной численностью населения и разным количеством вузов.

1. Используемые данные

Поставленная исследовательская задача потребовала привлечения нескольких источников и баз данных:

- база данных проекта Института образования НИУ ВШЭ «Города и вузы» позволила проанализировать динамику количества вузов и числа студентов в них по российским регионам и городам за 2013–2019 гг. Соотнесение этих параметров с численностью населения соответствующих территорий дает представление об институциональных трендах в организации высшего образования в стране. Статистика на уровне отдельных городов собрана и анализируется впервые;
- сведения о нетто-миграции населения в возрасте 15–19 лет по муниципальным образованиям России за 2012–2019 гг., полученные из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата² и рассчитанные на их основе показатели интенсивности возрастной нетто-миграции дают возможность оценивать миграционную привлекательность для молодежи тех или иных муниципальных образований, например имеющих и не имеющих вузов, с разной численностью населения. Ограничения этого информационного источника обусловлены тем, что миграционные события фиксируются в нем текущим учетом: в число прибывших и выбывших попадают мигранты, регистрирующиеся по месту жительства и месту пребывания на срок 9 месяцев и больше, а также привязкой этих событий к муниципальным образованиям, а не к населенным пунктам (городам) — они не всегда тождественны. Характер регистрации миграционных событий и определенная аморфность привязки событий к территориям (например, рассматриваться может не город Энгельс, а Энгельсский муниципальный район) не позволяют однозначно трактовать фиксируемые статистикой изменения в параметрах миграции как тренды динамики и связывать их только и однозначно с изменениями в локализации вузов;

² <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>

- данные опроса выпускников 11-го класса, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ с 23 июня по 2 июля 2020 г. Выборка — квотная, соответствует распределению генеральной совокупности по федеральным округам и по показателю материального положения семьи. Распределение по федеральным округам: Центральный — 25%, Северо-Западный — 9%, Южный — 11%, Северо-Кавказский — 7%, Приволжский — 19%, Уральский — 9%, Сибирский — 13%, Дальневосточный — 7%. Распределение респондентов по показателю материального положения семьи: «Не хватает денег даже на еду» — 2%, «Хватает на еду, но покупка одежды проблематична» — 10%, «Денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования затруднительна» — 35%, «Можем позволить себе товары длительного пользования, но покупка новой машины пока невозможна» — 39%, «Можем позволить себе практически все, кроме покупки квартиры или дачи» — 10%, «Можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи» — 4%. Опрос проводился в интернете (ривер-сэмплинг), полностью анкету заполнили 3230 человек. Часть ответов методом случайного отбора исключена из итогового массива, чтобы соблюсти квотное условие. Итого в массиве осталось 3000 ответов выпускников.

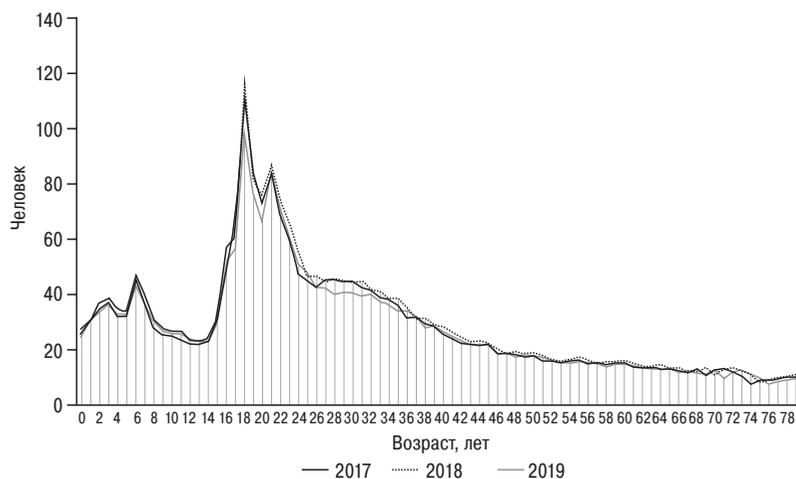
2. Результаты

2.1. Молодежная миграция

Миграция молодежи в существенной степени определяет общую картину миграции населения в стране. Резкий рост абсолютных показателей и интенсивности перемещений начинается в 15 лет и продолжается на протяжении следующих десяти лет. Как и в других странах, в России молодежь в возрасте 18–25 лет является наиболее мобильной группой населения (рис. 1). Официальная статистика прибытий и выбытий, полевые³ и социологические исследования [Мкртчян, 2017; Одинцов, Шипицин, Марченко, 2020] подтверждают ориентацию молодежи на переезд.

³ Экспедиция Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ «Возвратная миграция молодежи в нестоличные территории (на примере отдельных населенных пунктов Воронежской, Саратовской областей)» 17–28 августа 2021 г.: <https://foi.hse.ru/openrussia/saratov-migration>; экспедиция Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ «Причины высокого уровня оттока населения из Удмуртской Республики» 27 июня — 8 июля 2018 г.: <https://foi.hse.ru/openrussia/udmurt-migration>; экспедиция Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ «Долговременная и временная миграция в восточном регионе страны в свете длительного влияния «западного дрейфа» (на примере Сахалинской области)» 27 июня — 11 июля 2021 г.: <https://foi.hse.ru/openrussia/sakhalin-migration>

Рис. 1. Число прибывших в расчете на 1000 человек соответствующего возраста, миграция в пределах России, 2017–2019 гг.

Составлено авторами по данным Росстата.

Пики молодежной миграции обусловлены образовательными стратегиями молодежи: 15–17-летние интенсивно мигрируют внутри региона для обучения в учреждениях среднего профессионального образования, в 17–19 лет траектории миграционных перемещений становятся более вариативными, они могут быть как внутрирегиональными, так и межрегиональными и даже международными. Соотношение объемов внутри- и межрегиональных перемещений складывается под воздействием сочетания объективных и субъективных факторов, действующих в регионах, конкретных населенных пунктах, семьях. Это факторы, определяющие степень привлекательности пункта прибытия: потенциал и возможности дальнейшего устройства в данном населенном пункте, качество жизни в нем. Для образовательной миграции среди факторов, определяющих ее объемы, наиболее важны качество подготовки в школах, доступность образовательных мест, платежеспособность семей, отправляющих детей на учебу, представления о «правильных» и престижных специальностях, о привлекательных с точки зрения долговременного проживания направлениях миграции. Например, в ходе экспедиции в Удмуртии в 2018 г. было установлено, что наиболее престижным направлением миграции с точки зрения школьников из Можги в 2010-е годы была Казань, а позже — собственная региональная столица, Ижевск⁴;

⁴ Экспедиция Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ «Причины высокого уровня оттока населения из Удмуртской Республики» 27 июня — 8 июля 2018 г.: <https://foi.hse.ru/openrussia/udmurt-migration>

экспедиция в Воронежскую и Саратовскую область в 2021 г. показала, что выпускники школ города Балашов Саратовской области⁵ чаще отдают предпочтение Воронежу, чем Саратову, школьники из Камня-на-Оби предпочитают Новосибирск Барнаулу [Флоринская, 2017].

Изменения, внесенные с 2011 г. в порядок статистического учета миграционных событий [Мкртчян, 2017], не позволяют анализировать сколько-нибудь длинные ряды миграционных перемещений вследствие их несопоставимости. В целом миграция молодежи в возрасте 15–19 лет направлена вверх по иерархической лестнице поселений [Plane, Henrie, Perry, 2005]: школьники из сельской местности часто едут в соседние малые и средние города, а выросшие в этих городах школьники — в региональные центры и т.д. В 2013–2019 гг. 45–49% всех прибытий 15–19-летних мигрантов зафиксированы в региональных столицах. Этот показатель существенно выше, чем совокупная доля 15–19-летних, проживающих в региональных столицах, во всем населении страны данного возраста (38–39, 4%). Соотношение этих двух показателей свидетельствует о постоянной заинтересованности в переезде в региональную столицу со стороны молодежи, в первую очередь проживающей в данном регионе. А одна из важнейших причин этой заинтересованности — наличие в региональных центрах, как правило, нескольких вузов, позволяющих выбрать направление подготовки и постепенно, с малыми издержками начинать процесс адаптации и закрепления в данном городе [Карачурина, Флоринская, 2019; Габдрахманов, 2019].

Если таким образом — через сравнение доли прибытий 15–19-летних в данный город и доли проживающих в нем 15–19-летних во всем населении страны данного возраста — оценить привлекательность городов для молодежи, то наибольшей она окажется у Санкт-Петербурга, Воронежа, Красноярска, Томска, Уфы. Из нестоличных городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек — у Новочеркаска (Ростовская область), Стерлитамака (Башкортостан), Новокузнецка (Кемеровская область), Уссурийска (Приморский край).

Среди муниципальных образований меньшего размера, располагающих хотя бы одним вузом, по этому показателю выделяется только Всеволожский муниципальный район Ленинградской области. Однако сводить привлекательность данной территории к наличию во Всеволожске единственного не-

---

⁵ Экспедиция Фонда образовательных инноваций НИУ ВШЭ «Возвратная миграция молодежи в нестоличные территории (на примере отдельных населенных пунктов Воронежской, Саратовской областей)» 17–28 августа 2021 г.: <https://foi.hse.ru/openrussia/saratov-migration>

большого филиала РГГУ не приходится: миграция сюда, как и в Московскую область, во многом обусловлена активным жилищным строительством [Карачурина, Мкртчян, Петросян, 2021].

Отрицательный нетто-прирост населения в возрасте 15–19 лет в среднем за 2013–2019 гг. имеют 16 региональных столиц, или 19% поселений данной категории, для всех прочих населенных пунктов, имеющих учреждения высшего образования, этот показатель составляет 77%, а для всех населенных пунктов, не имеющих вузов, — 94,2%.

Региональные столицы с отрицательным нетто-приростом населения в молодых возрастах — это, за исключением Липецка и Пскова, либо столицы северокавказских республик, в которые традиционно почти нет межрегионального притока населения, либо столицы северных и восточных российских регионов — Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Магадан, давно находящиеся в зоне устойчивого миграционного дрейфа. Почти во всех этих регионах мало вузов, и отток молодежи вполне закономерен.

Среди нестоличных муниципальных образований, имеющих вузы, особую группу составляют расположенные на расстоянии меньше 50 км от региональных центров. Их 62, и среди них 35 имеют положительный, и в некоторых случаях исключительно высокий, нетто-прирост молодежи. Пригороды крупных городов сейчас весьма привлекательны для проживания, в том числе и для молодежи [Там же]. Особенно много таких муниципальных образований в пригородных зонах Московской и Ленинградской областей. В Московской области среди муниципальных образований, имеющих на своей территории вузы, нетто-прирост молодежи отмечается в 76,5% поселений численностью более 100 тыс. человек и в 50% поселений численностью менее 100 тыс. человек. Среди поселений, не имеющих вузов, нетто-прирост выявлен в 33% случаев.

Москва, Санкт-Петербург и в целом региональные центры имеют устойчивый нетто-прирост молодежи (табл. 1). Города Московской и Ленинградской областей, находящиеся в зоне достижимости и влияния столиц, вне зависимости от того, имеются ли в них вузы или их филиалы, миграционно привлекательны для всего населения, и в том числе для молодежи. Относительно малая численность населения и нестоличный статус — факторы, резко снижающие миграционную привлекательность города, даже если в нем есть один-два небольших вуза. При этом отсутствие вузов вне зависимости от размеров города является фактором оттока молодежи.

Таблица 1. Коэффициент интенсивности нетто-миграции населения в возрасте 15–19 лет в муниципальных образованиях разных типов, 2012–2019 гг., %

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Все региональные центры	46,3	48,2	31,9	43,5	35,4	34,1	32,1	25,2
Москва и Санкт-Петербург	45,3	44,1	27,2	54,0	39,8	53,1	42,7	33,0
Региональные центры без Москвы и Санкт-Петербурга	46,6	49,5	33,4	40,0	33,9	27,2	28,1	22,3
Москва и Московская область*, Санкт-Петербург и Ленинградская область*	36,1	33,3	21,3	36,9	30,5	39,2	33,7	27,6
Города с населением более 100 тыс. человек, имеющие вузы (кроме Московской и Ленинградской областей)	0,2	-2,4	-1,7	-9,4	-7,1	-8,4	-8,6	-4,0
Города* с населением менее 100 тыс. человек, имеющие вузы (кроме Московской и Ленинградской областей)	-10,6	-16,8	-11,7	-21,3	-17,3	-20,7	-20,3	-12,1
Муниципальные образования без вузов (кроме Московской и Ленинградской областей)	-42,2	-39,4	-25,5	-30,2	-23,3	-21,9	-22,6	-15,4

* В отдельных случаях — муниципальные районы, в которые входят данные города.

Составлено авторами по сведениям, приведенным в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата.

2.2. Концентрация вузов и миграционные предпочтения молодежи в городах с разной численностью населения

Россия имеет один из самых высоких в мире показателей охвата третичным образованием [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]. Согласно данным Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2019 г.⁶, в РФ насчитывается 1218 организаций высшего образования, в том числе 10 федеральных университетов, 29 национальных исследовательских, 21 вуз — участник проекта «5-100». Численность обучающихся по программам высшего образования составила в 2019 г. 4090,1 тыс. человек, среди них 2415,8 тыс. — студенты очной формы обучения, 1920,6 тыс. обучаются за счет средств бюджетной системы РФ.

При этом большая часть студентов обучаются в нескольких крупнейших городах, что свидетельствует о высокой концентрации высшего образования. 35% всех вузов размещены в городах с населением более 1 млн человек (табл. 2), более половины всех вузов сосредоточены в городах с населением более 500 тыс. человек. Эта же группа городов аккумулирует 70% студентов: в больших городах и вузы крупнее. А в 14 городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Воронеж, Уфа, Самара, Краснодар, Омск, Нижний Новгород, Челябинск, Красноярск) обучается

⁶ <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

ровно половина всех российских студентов — более 2 млн человек. На города с численностью населения 250–500 тыс. человек приходится 19% вузов страны, на города с населением 100–250 тыс. человек — 13%, менее 100 тыс. человек — 17% вузов.

Таблица 2. Распределение вузов и обучающихся в них студентов по городам с разной численностью населения, 2019 г., %

Численность населения города	Доля общего числа вузов	В том числе		Доля общей численности студентов
		головных	филиалов	
1 млн человек и более	35,1	50,3	15,8	49,3
От 500 тыс. до 1 млн	16,4	17,2	15,3	20,1
От 250 до 500 тыс.	18,9	17,9	20,1	17,9
От 100 до 250 тыс.	13,1	8,6	18,9	7,3
Менее 100 тыс.	16,5	5,9	29,9	5,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Составлено авторами по данным Росстата и Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования.

Головные вузы, особенно те, которые расположены в городах-миллионниках, являются системообразующими как для региональной экономики, так и для системы высшего образования. В 2019 г. головных вузов в России было 689, их филиалов — 529. Ровно половина головных вузов располагается в городах-миллионниках. Их представленность в группах городов сокращается по мере уменьшения численности населения и минимальна в городах с численностью населения до 100 тыс. человек: в 2013 г. в них было 49 университетов, в 2019 г. — 42. Таким образом, продолжается процесс концентрации учреждений высшего образования в крупных городах с потенциально более высоким спросом на высшее образование и лучшим обеспечением вузов кадрами.

Филиальная сеть до 2016 г. превышала по количеству учреждений сеть головных вузов. Филиалы создавались с целью обеспечить доступность высшего образования в отдаленных районах. Показатели эффективности у филиалов обычно ниже, чем у головного университета: в них меньше контингент обучающихся, хуже показатели образовательной и научной деятельности. В филиалах сложнее обеспечить должный уровень образования, набрать квалифицированный профессорско-преподавательский состав. 70% филиалов размещены в городах с численностью населения менее 500 тыс. человек, а половина из них — в городах с численностью населения менее 250 тыс. человек. Чуть больше четверти филиалов располагаются в городах с численностью населения до 100 тыс. человек. Вместе с тем 88 филиалов вузов действуют в городах-миллионниках.

Составляемые регулярно рейтинги студенческих городов (например, *QS Best Student Cities*), как правило, включают наиболее крупные из них. Вполне логично относить поселение к категории студенческих городов на основании не только абсолютной численности студентов, но и ее соотношения с численностью постоянного населения и рассматривать их по группам в зависимости от численности постоянного населения. По итогам 2019 г. в России студенческими городами, т.е. городами с максимальной долей студентов среди населения, в разных «весовых категориях» можно назвать:

- среди городов с населением более 1 млн человек: Казань, Ростов-на-Дону, Воронеж, Екатеринбург, Уфу;
- среди городов с населением от 500 тыс. до 1 млн человек: Томск, Иркутск, Краснодар, Саратов;
- среди городов с населением от 250 до 499 тыс. человек: Ставрополь, Грозный, Симферополь, Белгород, Курск;
- среди городов с населением от 100 до 249 тыс. человек: Майкоп, Новочеркасск, Ханты-Мансийск.

Итак, организация сети вузов в России такова, что молодежь из сельской местности и малых городов вынуждена рассматривать миграцию как необходимое условие получения высшего образования. С расширением предложения онлайн-программ и дистанционного обучения, импульсом для резкого роста которых послужила пандемия COVID-19, условия для получения высшего образования начали меняться, тем не менее сегодня значительная часть молодого населения удаленных районов и территорий, желающего получить высшее образование, вынуждена менять место жительства. Важную роль в обеспечении образовательных возможностей для жителей отдаленных территорий играют филиалы вузов.

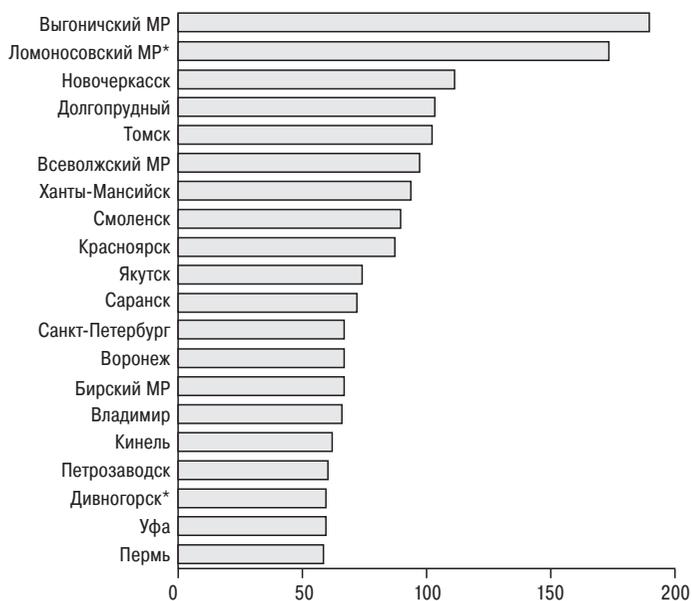
В 2013–2019 гг. половину всех 15–19-летних студентов, сменивших место жительства ради продолжения обучения, приняли 90–100 поселений, или 4–4,5% всех муниципальных единиц уровня муниципального района или городского округа. Этот пул формируют региональные столицы (за редким исключением) и еще 8–15 крупных городов, среди которых Новокузнецк (Кемеровская область), Новочеркасск (Ростовская область), Стерлитамак (Башкортостан), Балашиха (Московская область), Усурийск (Приморский край). Таким образом, концентрация мигрирующей молодежи ниже, чем концентрация студентов, однако она тоже очень высока.

Наиболее высока интенсивность нетто-миграции молодежи в муниципальных образованиях, в которых есть вузы. Сре-

ди первых двадцати муниципальных образований в этом списке только в двух нет вузов: в Дивногорске и Ломоносовском муниципальном районе (рис. 2), но эти поселения находятся в агломерационных зонах университетских городов — Красноярска и Санкт-Петербурга соответственно.

В некоторых случаях размещение вузов со специальными технологическими требованиями к образовательному процессу неподалеку от региональных центров и при относительно невысокой собственной численности населения, в том числе молодежи, выводит такие муниципальные образования в лидеры рейтинга. Один из примеров — Выгоничи в Выгоничском муниципальном районе Брянской области, где расположен один из крупнейших вузов региона, Брянский государственный аграрный университет, другой — Кинель со старейшим Самарским государственным аграрным университетом. Однако подавляющее большинство лидеров рейтинга интенсивности нетто-прироста — региональные столицы.

Рис. 2. Интенсивность нетто-прироста населения в возрасте 15–19 лет, первые двадцать муниципальных образований*, %, в среднем за 2013–2019 гг.

* Отмечены муниципальные образования, в которых нет вузов. Составлено авторами по сведениям, приведенным в Базе данных показателей муниципальных образований Росстата.

Таким образом, миграция молодежи носит центростремительный характер [Мкртчян, 2017] и способствует ее концентрации в университетских центрах, крупных городах, региональных центрах. При этом организация пространства и структура

вузовской сети в России таковы, что в подавляющем большинстве случаев эти характеристики совпадают в одних и тех же точках: Воронеж, Томск, Красноярск, Якутск — это и крупные города, и вузовские центры, и столицы своего региона с высокой концентрацией всевозможных ресурсов.

2.3. Миграция молодежи из городов с разной численностью населения

Введение Единого государственного экзамена и другие изменения в правилах приема в российские университеты, облегчающие абитуриентам из отдаленных регионов доступ к любым вузам страны [Francesconi, Slonimczyk, Yurko, 2019], способствовало увеличению числа иногородних студентов в вузах: согласно данным формы ВПО-1, в среднем около 30% студентов приезжают из других регионов. Данные цифровых следов свидетельствуют о сохранении ориентации молодежи на переезд [Габдрахманов, Орлова, Александрова, 2021]. В российских реалиях пространственный и связанные с ним факторы по-прежнему оказывают существенное влияние на выбор образовательного учреждения: чаще всего выпускники школ выбирают или вынуждены выбирать вуз внутри родного региона.

Получение образования — одно из ключевых «стартовых событий» жизни [Константиновский и др., 2011], около 70% абитуриентов — участников исследования, проведенного НИУ ВШЭ, считают высшее образование необходимостью (табл. 3). При этом значимых различий в ценности высшего образования между выпускниками школ из крупнейших и малых городов не выявлено. Лишь 2% респондентов ответили, что высшее образование им не нужно.

Возможности получения высшего образования у жителей разных регионов неодинаковы: сказываются различия в материальной обеспеченности, наличие в регионе селективных университетов, пространственная неоднородность вузовской сети, качества школьного образования [Малиновский, Шибанова, 2020]. Складывающиеся в конкретном регионе условия могут накладывать ограничения на образовательные перспективы местной молодежи. Результаты опросов выпускников относительно их образовательных планов после завершения обучения в школе свидетельствуют о том, что высшее образование остается устойчивой социальной нормой: почти все респонденты, окончившие 11 классов, планируют поступать в вуз. Значимых различий между городами с разной численностью населения по доле стремящихся поступить в вуз не выявлено, а вот доля в общей численности выпускников тех, кто планирует поступить в колледж, техникум или училище для получения среднего профессионального образования, существенно выше прочих в поселениях с численностью населения до 50 тыс. че-

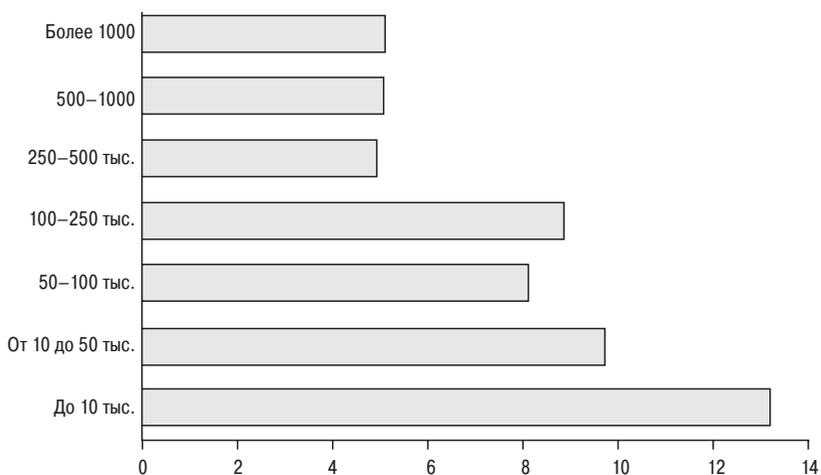
Таблица 3. Ценность высшего образования для выпускников школ, проживающих в населенных пунктах разного размера

Численность населения в городе / населенном пункте (тыс. человек)	Число ответивших (человек)	Распределение ответов		
		Высшее образование мне необходимо (доля ответивших, %)	Хорошо бы иметь высшее образование, но оно не обязательно (доля ответивших, %)	Высшее образование мне не нужно (доля ответивших, %)
1000 и более	411	76,3	22,1	1,7
500–1000	237	76,5	22,1	1,5
250–500	432	65,5	32,8	1,6
100–250	350	70,0	28,0	2,0
50–100	307	75,8	22,1	2,1
10–50	472	73,4	24,5	2,1
Менее 10	725	71,8	26,3	1,9

Составлено авторами по данным опроса выпускников 11-го класса школы, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

людей: 13%. Меньше всего планирующих поступать в организации среднего профессионального образования среди жителей густонаселенных городов: здесь их доля составляет всего 5% (рис. 3). Частота выбора профессионального трека может быть связана с разным уровнем доступности высшего образования для жителей разных по численности городов.

Рис. 3. Ориентация на профессиональный трек среди жителей городов с разной численностью населения, %

Составлено авторами по данным опроса выпускников 11-го класса школы, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

При выборе университета абитуриенты учитывают качество образования в данном вузе, возможность обучаться бес-

платно, стоимость обучения, возможность трудоустройства после окончания обучения. Жители малых городов по-прежнему чаще других ориентируются на бюджетные места в университетах (табл. 4), в этих городах платежеспособный спрос на высшее образование ниже, чем в других категориях поселений. Доля тех, кто планирует подавать документы только на платные места в университетах, составляет в среднем 2%.

Таблица 4. Ценность возможности получить бесплатно высшее или среднее профессиональное образование для выпускников 11-го класса из населенных пунктов разного размера

Численность населения в городах / населенных пунктах (тыс. человек)	Число ответивших (человек)	Распределение ответов		
		Только на бесплатные места (доля ответивших, %)	Только на платные места (доля ответивших, %)	И на платные, и на бесплатные места (доля ответивших, %)
1000 и более	383	60,3	3,1	36,6
500–1000	219	65,4	4,6	30,1
250–500	405	71,1	1,5	27,4
100–250	317	70,0	1,9	28,1
50–100	292	65,3	2,4	32,3
10–50	445	69,5	1,3	29,2
Менее 10	689	70,9	1,6	27,5

Составлено авторами по данным опроса выпускников 11-го класса школы, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

Выпускники школ в разных по численности городах различаются по степени готовности к миграции с целью получения образования (табл. 5). Абитуриенты из малых городов и поселков рассматривают преимущественно варианты внутрирегиональной миграции: решающую роль в этом выборе, скорее всего, играют финансовые ограничения. У жителей городов-миллионников широкий выбор образовательных учреждений с высоким качеством образования, и у них нет потребности куда-либо переезжать. Выпускники городов с численностью населения от 100 до 250 тыс. человек чаще остальных ориентированы на поступление в вузы, расположенные в другом регионе.

Те, кто хочет получить высшее образование за пределами родного региона, упоминают в качестве препятствий к осуществлению своих планов прежде всего финансовые ограничения, не дающие возможность оплачивать проживание в другом городе отдельно от семьи и вносить плату за обучение, а также семейные обстоятельства (табл. 6). Если выпускники из населенных пунктов с населением до 50 тыс. человек чаще других упоминают в качестве барьера образовательной мобильности

Таблица 5. География выбора образовательного учреждения, в котором выпускники 11-го класса планируют продолжить обучение

Численность населения в городах / населенных пунктах (тыс. человек)	Число ответивших (человек)	Распределение ответов			
		Регион, в котором я проживаю (доля ответивших, %)	Другой регион (доля ответивших, %)	Другая страна (доля ответивших, %)	Нет приоритетного вуза, колледжа, техникума, училища (доля ответивших, %)
1000 и более	388	69,8	24,0	2,6	3,6
500–1000	224	62,0	33,5	0,9	3,6
250–500	410	48,5	47,9	1,7	2,0
100–250	323	44,6	52,6	1,2	1,5
50–100	294	47,1	47,7	1,4	3,8
10–50	454	51,1	43,8	1,3	3,8
Менее 10	696	64,3	31,3	0,7	3,7

Составлено авторами по данным опроса выпускников 11-го класса школы, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

Таблица 6. Барьеры образовательной мобильности с точки зрения выпускников 11-го класса из населенных пунктов разного размера, %

	Населенные пункты по числу жителей (тыс. человек)						
	1000 и более	500–1000	250–500	100–250	50–100	10–50	Менее 10
Нет финансовой возможности жить в другом регионе	71,0	66,9	61,7	66,5	70,3	70,0	65,8
Нет финансовой возможности оплачивать обучение в другом регионе	31,8	36,6	46,9	40,1	33,4	31,9	41,2
В моем регионе ниже вступительный балл	11,3	18,8	11,7	10,4	19,4	13,9	9,6
В моем регионе меньше конкурс на бюджетные места	8,1	7,5	8,4	8,8	9,2	4,0	12,3
В моем регионе мне проще найти работу	3,1	7,6	8,3	1,7	5,6	4,0	13,1
Не хочу жить вдали от семьи/друзей	31,3	27,4	21,5	24,6	24,0	18,0	31,6
По семейным обстоятельствам (нужно помогать семье, родители не отпускают учиться далеко)	20,9	26,6	26,5	21,1	16,7	22,1	30,7
По состоянию здоровья	0,0	0,9	3,3	1,9	0,0	2,0	2,6
Число ответивших	160	106	60	57	108	50	114

Составлено авторами по данным опроса выпускников 11-го класса школы, проведенного Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ.

необходимость помогать семье, то выпускники из городов-миллионников — нежелание жить вдали от семьи и друзей. Значимым фактором, удерживающим от переезда выпускников из городов-миллионников, также является перспектива срав-

нительно легко найти работу в своем регионе после окончания обучения.

Ограничение возможностей для получения высшего образования часто связывают с его массовизацией при сохранении текущей вузовской инфраструктуры. Высшее образование перестало быть элитарным, все больше людей из разных социально-экономических слоев населения могут позволить себе высшее образование, при этом большинство из тех, кто первым в семье намеревается поступать в вуз, как правило, рассматривают возможность получения образования в своем населенном пункте или в непосредственной близости от него, чтобы исключить проживание вдали от дома и связанные с ним финансовые издержки. Фактор расстояния продолжает оказывать существенное влияние на выбор высшего учебного заведения [Cullinan et al., 2013].

С точки зрения экономики и логистики образования размещение университетов в крупных городах — решение естественное и обоснованное: высшие учебные заведения располагаются там, где выше спрос на образовательные услуги. В городах много молодежи — а значит, высок спрос на высшее образование. Привлечение большого числа студентов необходимо для финансовой стабильности образовательных учреждений. Согласно данным Мониторинга эффективности вузов, в 2020 г. доля доходов от образовательной деятельности в общих доходах вузов в среднем составила 82%, поэтому ориентация деятельности университетов на спрос вполне объяснима.

2.4. Последствия сокращения вузовской сети в городах с разной численностью населения

В течение 2013–2019 гг. произошло значительное сокращение вузовской сети, обусловленное, с одной стороны, мерами, направленными на повышение качества образования, а с другой — демографическими реалиями: снижением общей численности студентов [Захаров, 2022. С. 9–49]. Численность россиян в возрасте 15–19 лет в 2013–2019 гг. в среднем за год составила всего 60% среднегодовых значений за 2001–2010 гг., численность лиц в возрасте 20–24 лет — 73%. Динамика количества вузов была схожей: общее число сократилось на 42%, в том числе головных университетов — на 23%, филиалов — на 56%.

Данное сокращение вузовской сети стало самой значительной реструктуризацией системы высшего образования в современной России и связано с внедрением в 2012 г. Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования. Этот инструмент разработан в рамках исполнения пункта Указа Президента Российской Федерации⁷ о «проведении <...>

⁷ <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263>

мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы, реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений». Слияния вузов происходили и раньше (в рамках формирования сети федеральных университетов или инициативных объединений), но они представляли собой скорее отдельные кейсы реорганизации вузов. На основании ежегодно собираемых в ходе Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования объективных количественных данных формировался перечень вузов с признаками неэффективности. Далее на заседании специальной межведомственной комиссии обсуждались варианты реорганизации вузов. Так, в 2015 г. принято решение об оптимизации деятельности 18 вузов и 190 филиалов, а также о реорганизации 197 филиалов вузов⁸. В некоторых случаях в проектах реорганизации принимали участие и учреждения среднего профессионального образования. Исследователи отмечают, что слияние вузов решало, в том числе, и задачу оптимизации ресурсной базы системы высшего образования и отдельных университетов [Романенко, 2018].

В условиях сокращения вузовской сети региональная дифференциация высшего образования усилилась за счет структурной консолидации вузов. В ходе слияний и объединений к средним и крупным университетам присоединяли более мелкие вузы и филиалы. В итоге в среднем вузы становились крупнее, обеспечивая учебными местами большее число студентов. Так, если в 2012 г. в крупных государственных вузах (с контингентом более 15 тыс. очных студентов) концентрировались 9% очных студентов государственных вузов, то в 2016 г. этот показатель вырос до 16% [Малиновский, Шибанова, 2020].

В ходе реструктуризации сети наибольшее сокращение количества вузов испытали малые и средние города с численностью населения до 100 тыс. человек: в них количество вузов сократилось более чем в 2 раза (табл. 7). В меньшей степени пострадали города с численностью населения более 500 тыс. человек, но и в этих густонаселенных городах произошло сокращение вузовской сети на 30%. Сокращение числа вузов и их филиалов происходило разными способами, в том числе путем присоединения университета или филиала к другому вузу, что означало сохранение контингента студентов, по крайней мере на первом этапе. В данном случае речь идет об изменении юридического статуса учреждения, а не о закрытии учебного заведения, и такая реорганизация в меньшей степени влияет на возможность для местного населения получить высшее образование «на местах», в относительной близости от дома.

---

⁸ <http://government.ru/orders/selection/405/17013/>

Таблица 7. Сокращение числа вузов и доли студентов в общей численности населения городов в 2013–2019 гг. (доля от их числа на начало 2013 г., %)

	Вузы всего	В том числе		Доля студентов в общей численности населения
		Головные	Филиалы	
Все города	- 42,2	-23,0	-56,2	н/д
В том числе с населением:				
1 млн человек и более	-32,1	-27,0	-47,0	-24,2
от 500 тыс. до 1 млн	-33,4	-17,0	-48,2	-27,9
от 250 до 500 тыс.	-40,7	-16,4	-55,4	-34,8
от 100 до 250 тыс.	-51,3	-26,5	-59,3	н/д
менее 100 тыс.	-56,5	-14,3	-61,3	н/д

Составлено авторами по данным Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования.

Последствия ликвидации головных вузов в наибольшей степени испытали города-миллионники и города с численностью населения от 100 до 249 тыс. человек, где число вузов сократилось на четверть. Однако если в городах-миллионниках, крупных и крупнейших городах в основном происходили объединения вузов, то в городах с меньшей численностью населения чаще осуществлялась их полная ликвидация, в ряде таких городов вузы полностью исчезли, например в городе Шахты Ростовской области остался один филиал, в Орске Оренбургской области и в Нижнекамске (Татарстан) — по два филиала. В городах с населением 250–500 тыс. и до 100 тыс. человек число головных вузов сократилось примерно на 15%.

Однако наиболее серьезные изменения произошли в филиальной сети. Сохранилось меньше половины существовавших в 2013 г. филиалов. В наибольшей степени реорганизация затронула города с населением до 100 тыс. человек, где число филиалов вузов сократилось на 61%, примерно столько же филиалов исчезло в городах с численностью от 100 до 249 тыс. человек.

В некоторых городах исчезли как головные вузы, так и филиалы: это Нефтеюганск в ХМАО, Первоуральск в Свердловской области, Новочебоксарск в Чувашской Республике, Батайск в Ростовской области, Новый Уренгой в ЯНАО, Железногорск в Красноярском крае.

3. Заключение Являясь местом производства знаний и центрами притяжения для талантливой, высокомотивированной молодежи, вузы вносят важный вклад не только в социально-экономическое развитие страны, но и в процветание городов. Реформирование

образовательных систем может стать важным фактором поддержки одних российских городов и создавать дополнительные вызовы для других. Университеты и их филиалы, расположенные в отдаленных регионах нашей страны, выполняют важную социальную функцию, обеспечивая доступ к высшему образованию для местного населения.

В ходе оптимизации вузовской сети в целях повышения качества образования в рассматриваемый период (2013–2019 гг.) количество университетов уменьшилось на 42%: были закрыты 23% головных университетов и 56% филиалов. При этом численность студентов сократилась на 33%. Проведенное исследование показало, что сокращение вузовской системы сильнее всего затронуло интересы малых городов с численностью населения до 100 тыс. человек: в них были закрыты более половины филиалов вузов. В результате ликвидации головных университетов в наибольшей степени сократилась возможность получить высшее образование в городах с населением 100–249 тыс. человек: в них число вузов уменьшилось почти на четверть. Примерно такие же масштабы сокращения наблюдались в городах-миллионниках, однако в них изначально выбор университетов был более широк и трансформация образовательной сети происходила путем объединения, поэтому непосредственного влияния на возможность получения высшего образования реорганизация не оказала. При этом она способствовала усилению притока в крупнейшие города молодежи из более мелких городов, где сеть вузов подверглась сильной реструктуризации. Оптимизация вузовской сети происходила в условиях снижения численности молодежи и неизбежного сокращения по этой причине масштабов миграции в студенческих возрастах. Сравнить динамику миграционного процесса до реформы и после реформы не представляется возможным: изменение методики учета миграции в России в 2011 г. привело к резкому росту числа всех учитываемых мигрантов, но прежде всего в студенческих возрастах, и сделало данные за нулевые и 2010-е годы несопоставимыми.

Таким образом, оптимизация сети вузов происходила в условиях сокращения численности целевой аудитории в связи с «демографической ямой». Однако прогнозируемый рост численности молодежи в возрасте 18–19 лет в ближайшие годы в условиях концентрации вузов во все сужающемся круге крупнейших городов даже при неизменной готовности выпускников школ участвовать в учебной миграции может обострить проблему доступности высшего образования. Проведенное исследование свидетельствует о необходимости регулярного анализа доступности высшего образования для разных категорий мо-

лодежи и миграционных намерений выпускников школ в разных регионах страны с учетом программ их социально-экономического развития.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

1. Беляков С.А., Клячко Т.Л. (2015) Методология оценки вклада образования в социально-экономическое развитие Российской Федерации и ее субъектов. М.: РАНХиГС.
2. Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю., Малик В.М. (2017) Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 3. С. 83–109. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-83-109
3. Варшавская Е.Я., Чудиновских О. С. (2014) Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 3. С. 36–58.
4. Вербецкий А.Д., Фридман А.А. (2016) Политика приема в вузы и конкуренция абитуриентов // Экономическая политика. Т. 11. № 5. С. 68–91. doi:10.18288/1994-5124-2016-5-04
5. Габдрахманов Н.К. (2019) Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник РУДН. Сер. Экономика. Т. 27. № 1. С. 7–17. doi:10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17
6. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. (2019) «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ. с.
7. Габдрахманов Н.К., Орлова В.В., Александрова Ю.К. (2021) Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов // Вестник Томского государственного университета. № 467. С. 106–114. doi:10.17223/15617793/467/14
8. Дайновский А.Б. (1973) Вопросы размещения сети вузов по экономическим районам страны. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции «Методологические вопросы планирования и прогнозирования развития высшего образования в СССР» (Москва, 4–6 апреля 1973 г.). С. 78–84.
9. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. (2021) Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 6. С. 123–134.
10. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. (2019) Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 6. С. 82–89.
11. Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2021) Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (52). С. 162–180. doi:10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
12. Катровский А.П. (2003) Территориальная организация высшей школы России. Смоленск: Ойкумена.
13. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. (2016) Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. Т. 13. № 3. С. 169–203. doi:10.17323/1814-9545-2016-3-169-203

14. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. (2011) Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 гг. М.: ЦСПиМ.
15. Лешуков О.В. (2020) Модель федерально-региональных отношений в управлении высшим образованием в РФ // Экономика региона. Т. 16. № 1. С. 201–212. doi:10.17059/2020-1-15
16. Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. (2020) Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ.
17. Мкртчян Н.В. (2017) Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 225–242. doi:10.14515/monitoring.2017.1.15
18. Захаров С.В. (ред.) (2022) Население России 2019. XXVII ежегодный демографический доклад. М.: НИУ ВШЭ.
19. Захаров С.В. (ред.) (2020) Население России 2018. XXVI ежегодный демографический доклад. М.: НИУ ВШЭ.
20. Одинцов А.В., Шипицин А.И., Марченко А.Ю. (2020) Центристская миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 335–354. doi:10.14515/monitoring.2020.3.788
21. Прахов И.А. (2015) Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 1. С. 88–117. doi:10.17323/1814-9545-2015-1-88-117
22. Романенко К.Р. (2018) Университетские объединения: что меняется для студентов // Вопросы образования/Educational Studies Moscow. № 1. С. 154–173. doi:10.17323/1814-9545-2018-1-154-173
23. Флоринская Ю.Ф. (2017) Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии // Проблемы прогнозирования. № 1 (160). С. 114–124.
24. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. (2018) Эффективно поддерживаемое неравенство. Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 66–89. doi:10.17323/1726-3247-2018-5-66-89
25. Чиркина Т.А., Гусейнова А.Г. (2021) Социальная дифференциация образовательных планов при поступлении в вузы. Мониторинг экономики образования: информационный бюллетень. Вып. 12. М.: НИУ ВШЭ.
26. Bender T.M. (ed.) (1988) *The University and the City: From Medieval Origins to the Present*. New York: Oxford University.
27. Chapman D.W. (1981) A Model of Student College Choice // *The Journal of Higher Education*. Vol. 52. No 5. P. 490–505. doi:10.1080/00221546.1981.11778120
28. Cullinan J., Flannery D., Walsh S., McCoy S. (2013) Distance Effects, Social Class and the Decision to Participate in Higher Education in Ireland // *The Economic and Social Review*. Vol. 44. No 1. P. 19–51.
29. Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class*. New York, NY: Routledge.
30. Fonseca J.W., Bird C.P. (2007) Under the Radar: Branch Campuses Take Off // *University Business*. Vol. 10. No 10. P. 8–14.
31. Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019) Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform // *European Economic Review*. Vol. 117. No 4. P. 56–82. doi:10.1016/j.euroecorev.2019.04.007
32. Frenette M. (2007) Do Universities Benefit Local Youth? Evidence from University and College Participation, and Graduate Earnings Following the Cre-

- ation of a New University. Statistics Canada, Analytical Studies Branch Research Paper Series no 11F0019MIE-283.
33. Gumprecht B. (2003) The American College Town // *Geographical Review*. Vol. 93. No 1. P. 51–80. doi:10.1111/j.1931-0846.2003.tb00020.x
  34. Goddard J., Coombes M., Kempton L., Vallance P. (2014) Universities as Anchor Institutions in Cities in a Turbulent Funding Environment: Vulnerable Institutions and Vulnerable Places in England // *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*. Vol. 7. No 2. P. 307–325. doi:10.1093/cjres/rsu004
  35. Hornsby D.J., Osman R. (2014) Massification in Higher Education: Large Classes and Student Learning // *Higher Education*. Vol. 67. No 6. P. 711–719. doi:10.1007/s10734-014-9733-1
  36. Litten L.H. (1982) Different Strokes in the Applicant Pool: Some Refinements in a Model of Student College Choice // *The Journal of Higher Education*. Vol. 53. No 4. P. 383–402. doi:10.1080/00221546.1982.11780470
  37. Massey J., Field S., Chan Y. (2014) Partnering for Economic Development: How Town-Gown Relations Impact Local Economic Development in Small and Medium Cities // *Canadian Journal of Higher Education*. Vol. 44. No 2. P. 152–169. doi:10.47678/cjhe.v44i2.183813
  38. Plane D., Henrie C., Perry M. (2005) Migration Up and Down the Urban Hierarchy and across the Life Course // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 102. No 43. P. 15313–15318. doi:10.1073/pnas.0507312102
  39. Revington N., Zwick A., Hartt M., Schlosser J. (2021) Universities and Urban Social Structure: Gentrification, Studentification, and Youthification in Five United States Legacy Cities // *Urban Geography*. doi:10.1080/02723638.2021.1985306
  40. Rigney D. (2010) *The Matthew Effect: How Advantage Begets Further Advantage*. New York: Columbia University. doi:10.5860/choice.48-2997
  41. Smith D.P. (2005) "Studentification": The Gentrification Factory? // R. Atkinson, G. Bridge (eds) *Gentrification in a Global Context: The New Urban Colonialism*. London: Routledge. P. 72–89.

References

- Belyakov S.A., Klyachko T.L. (2015) *Metodologiya otsenki vkladа obrazovaniya v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossiyskoy Federatsii i eyo sub'ektov* [Methodology for Assessing the Contribution of Education to the Socio-Economic Development of the Russian Federation and Its Subjects]. Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
- Bender T.M. (ed.) (1988) *The University and the City: From Medieval Origins to the Present*. New York: Oxford University.
- Bessudnov A., Kurakin D., Malik V. (2017) Kak vznik i chto skryvaet mif o vseobshchem vysshem obrazovanii [The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 83–109. doi:10.17323/1814-9545-2017-3-83-109
- Chapman D.W. (1981) A Model of Student College Choice. *The Journal of Higher Education*, vol. 52, no 5, pp. 490–505. doi:10.1080/00221546.1981.11778120
- Chirkina T.A., Guseynova A.G. (2021) *Sotsial'naya differentsiatsiya obrazovatel'nykh planov pri postuplenii v vuzy. Monitoring ekonomiki obrazovaniya: informatsionny byulleten'*, vyp. 12 [Social Differentiation of Educational Plans for Admission to Universities. Monitoring of Education Markets and Organizations, iss. 12]. Moscow: HSE.
- Cullinan J., Flannery D., Walsh S., McCoy S. (2013) Distance Effects, Social Class and the Decision to Participate in Higher Education in Ireland. *The Economic and Social Review*, vol. 44, no 1, pp. 19–51.
- Daynovskiy A.B. (1973) *Voprosy razmeshcheniya seti vuzov po ekonomicheskim rayonam strany* [Issues of Placing a Network of Universities in the Economic Regions of the Country]. Proceedings of the All-Union Scientific Conference

- "Methodological Issues of Planning and Forecasting the Development of Higher Education in the USSR" (Moscow, 1973, April 04–06), pp. 78–84.
- Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class*. New York, NY: Routledge.
- Florinskaya Y.F. (2017) Vypuskniki shkol iz malykh gorodov Rossii: obrazovatel'nye i migratsionnye strategii [School Graduates from Small Towns of Russia: Educational and Migration Strategies]. *Problemy prognozirovaniya/Studies on Russian Economic Development*, no 1 (160), pp. 114–124.
- Fonseca J.W., Bird C.P. (2007) Under the Radar: Branch Campuses Take Off. *University Business*, vol. 10, no 10, pp. 8–14.
- Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A. (2019) Democratizing Access to Higher Education in Russia: The Consequences of the Unified State Exam Reform. *European Economic Review*, vol. 117, no 4, pp. 56–82. doi:10.1016/j.euroecorev.2019.04.007
- Frenette M. (2007) *Do Universities Benefit Local Youth? Evidence from University and College Participation, and Graduate Earnings Following the Creation of a New University*. Statistics Canada, Analytical Studies Branch Research Paper Series no 11F0019MIE–283.
- Gabdrakhmanov N.K. (2019) Kontsentratsiya studentov v sisteme vysshego obrazovaniya na karte Rossiyskoy Federatsii [Concentration of Students in Higher Education on the Map of the Russian Federation]. *RUDN Journal of Economics*, vol. 27, no 1, pp. 7–17. doi:10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17
- Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. (2019) "Ot Volgi do Eniseya...": obrazovatel'naya migratsiya molodyozhi v Rossii ["From the Volga to the Yenisei...": Educational Migration of Young People in Russia]. Moscow: HSE.
- Gabdrakhmanov N.K., Orlova V.V., Aleksandrova Yu.K. (2021) Migratsionnoe povedenie studentov rossiyskikh vuzov na osnove dannykh tsifrovyykh sledov [Migration Behavior of Russian University Students Based on Digital Footprint Data]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta/Tomsk State University Journal*, no 467, pp. 106–114. doi:10.17223/15617793/467/14
- Gumprecht B. (2003) The American College Town. *Geographical Review*, vol. 93, no 1, pp. 51–80. doi:10.1111/j.1931-0846.2003.tb00020.x
- Goddard J., Coombes M., Kempton L., Vallance P. (2014) Universities as Anchor Institutions in Cities in a Turbulent Funding Environment: Vulnerable Institutions and Vulnerable Places in England. *Cambridge Journal of Regions Economy and Society*, vol. 7, no 2, pp. 307–325. doi:10.1093/cjres/rsu004
- Hornsby D.J., Osman R. (2014) Massification in Higher Education: Large Classes and Student Learning. *Higher Education*, vol. 67, no 6, pp. 711–719. doi:10.1007/s10734-014-9733-1
- Karachurina L.B., Florinskaya Y.F. (2019) Migratsionnye namereniya vypusknikov shkol malykh i srednikh gorodov Rossii [Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografia/Moscow University Bulletin. Ser. 5. Geography*, no 6, pp. 82–89.
- Karachurina L.B., Mkrтчян N.V., Petrosian A.N. (2021) Prostranstvennye osobennosti migratsionnogo prirosta prigorodov regional'nykh stolits Rossii [Spatial Patterns of Net Migration in the Suburbs of Russian Regional Centers]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografia/Moscow University Bulletin. Ser. 5. Geography*, no 6, pp. 123–134.
- Kartseva M.A., Mkrтчян N.V., Florinskaya Y.F. (2021) Mezhtsevnaya migratsiya molodyozhi v Rossii i vystraivanie zhiznennykh strategiy [Interregional Migration and Life Strategies of the Russian Youth]. *Journal of the New Economic Association*, no 4 (52), pp. 162–180. doi:10.31737/2221-2264-2021-52-4-7
- Kashnitsky I., Mkrтчян N., Leshukov O. (2016) Mezhtsevnaya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyy analiz demograficheskoy statistiki [Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 169–203. doi:10.17323/1814-9545-2016-3-169-203

- Katrovskiy A.P. (2003) *Territorial'naya organizatsiya vysshey shkoly Rossii* [Territorial Organization of the Higher School of Russia]. Smolensk: Oykumena.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Effektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybor obrazovatel'noy traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality. The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 66–89. doi:10.17323/1726-3247-2018-5-66-89
- Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. (2011) *Obrazovanie i zhiznennyye traektorii molodyozhi: 1998–2008 gg.* [Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008 Years]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.
- Leshukov O.V. (2020) Model' federal'no-regional'nykh otnosheniy v upravlenii vysshim obrazovaniem v Rossii [Model of Federal-Regional Relations in Governance of Higher Education in the Russian Federation]. *Economy of Regions*, vol. 16, no 1, pp. 201–212. doi:10.17059/2020-1-15
- Litten L.H. (1982) Different Strokes in the Applicant Pool: Some Refinements in a Model of Student College Choice. *The Journal of Higher Education*, vol. 53, no 4, pp. 383–402. doi:10.1080/00221546.1982.11780470
- Malinovskiy S.S., Shibanova E.Yu. (2020) *Regional'naya differentsiatsiya dostupnosti vysshego obrazovaniya v Rossii* [Regional Differentiation of Access to Higher Education in Russia]. Moscow: HSE.
- Massey J., Field S., Chan Y. (2014) Partnering for Economic Development: How Town-Gown Relations Impact Local Economic Development in Small and Medium Cities. *Canadian Journal of Higher Education*, vol. 44, no 2, pp. 152–169. doi:10.47678/cjhe.v44i2.183813
- Mkrтчян N.V. (2017) Migratsiya molodyozhi iz malykh gorodov Rossii [The Youth Migration from Small Towns in Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 225–242. doi:10.14515/monitoring.2017.1.15
- Odintsov A.V., Shipitsin A.I., Marchenko A. Yu. (2020) Tsentrostremiitel'naya migratsiya molodyozhi iz rossiyskoy provintsii: prichiny i tendentsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region)]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 335–354. doi:10.14515/monitoring.2020.3.788
- Plane D., Henrie C., Perry M. (2005) Migration Up and Down the Urban Hierarchy and across the Life Course. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 102, no 43, pp. 15313–15318. doi:10.1073/pnas.0507312102
- Prakhov I. (2015) Bar'ery dostupa k kachestvennomu vysshemu obrazovaniyu v usloviyakh EGE: sem'ya i shkola kak sderzhivayushchie faktory [Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors.]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 88–117. doi:10.17323/1814-9545-2015-1-88-117
- Revington N., Zwick A., Hartt M., Schlosser J. (2021) Universities and Urban Social Structure: Gentrification, Studentification, and Youthification in Five United States Legacy Cities. *Urban Geography*. doi:10.1080/02723638.2021.1985306
- Rigney D. (2010) *The Matthew Effect: How Advantage Begets Further Advantage*. New York: Columbia University. doi:10.5860/choice.48-2997
- Romanenko K. (2018) Universitetskie ob'edineniya: chto menyetsya dlya studentov [University Mergers: The Implications for Students]. *Voprosy obrazovaniya/Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 154–173. doi:10.17323/1814-9545-2018-1-154-173
- Smith D.P. (2005) "Studentification": The Gentrification Factory? *Gentrification in a Global Context: The New Urban Colonialism* (eds R. Atkinson, G. Bridge), London: Routledge, pp. 72–89.
- Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. (2014) Migratsionnye plany vypusknikov regional'nykh vuzov Rossii [Migration Intentions of Graduates of Russia's Re-

- gional Higher Educational Institutions]. *Moscow University Economic Bulletin*, no 3, pp. 36–58.
- Verbetsky A.D., Friedman A.A. (2016) Politika priema v vuzy i konkurenciya abiturientov [Universities Admission Policy and Student Competition]. *Economic Policy*, vol. 11, no 5, pp. 68–91. doi:10.18288/1994-5124-2016-5-04
- Zakharov S.V. (ed.) (2022) *Naselenie Rossii 2019. XXVII ezhegodny demograficheskiy doklad* [Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report]. Moscow: HSE.
- Zakharov S.V. (ed.) (2020) *Naselenie Rossii 2018. XXVI ezhegodny demograficheskiy doklad* [Russia's Population in 2018: 26th Annual Demographic Report]. Moscow: HSE.